

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

*А.Ю. ЗУДИН***К “сообществу элит”?
Трансформация политического режима
в России****Статья 2. “Третий переход”
и перспективы разрыва
с моноцентризмом***

В статье рассматриваются ближайшие среднесрочные перспективы нового политического режима, который стал формироваться после прихода к власти Д. Медведева в 2008 г. Анализируются новые свойства президента и премьера в двухполюсной системе власти. По мнению автора, политические реформы 2008–2009 гг. соответствуют модели “навязанных переходов”, которая определяла и предшествующие этапы постсоветского политического развития с деконцентрацией в высших эшелонах власти, дифференциацией консолидированной политической системы, становлением “партийного картеля” (предоминантная партия + нишевые партии).

Ключевые слова: доминирование, “навязанный переход”, деконцентрация, “сообщество элит”, политический картель, “нишевые партии”, “сдвоенный” электоральный цикл.

The article deals with the short-term and medium-term perspectives of the new political regime, which started to develop after president Medvedev came to power in 2008. New qualities, which the new president and the prime-minister acquired in the two-centered system, are analyzed. According to the author, the political reforms of 2008–2009 correspond to the model of “imposed transition”, which informed the whole Post-Soviet political development. Main trends of the current stage of political transformation, i.e. the deconcentration at the “highest levels” of power, the differentiation of the consolidated political system, the emergence of the “political cartel” (predominant party + “niche parties”) are analyzed in detail.

Keywords: domination, “imposed transition”, deconcentration, “elite settlement”, political cartel, “niche parties”, “twin” electoral cycle.

Будущее двухполюсной модели

Ближайшие перспективы развития политического режима после ротации будут определяться устойчивостью двухполюсной модели власти. В самой общей форме будущее новой модели, возникшей после управляемой ротации, описывается через два полярных сценария: консолидация или дезинтеграция двухполюсного режима.

* Статью 1 см. “Общественные науки и современность”. 2010. № 5.

Сценарий дезинтеграции обсуждается наиболее активно. Это объясняется непривычностью самого факта двухполюсной организации власти, а также тем обстоятельством, что он объективно порождает институциональное напряжение в высших эшелонах власти. Сценарий дезинтеграции может быть спровоцирован тремя основными причинами. Во-первых, усиление Д. Медведева (постепенно осваивающего потенциал “патронального президента”) – “затухание” В. Путина, во-вторых, неспособностью Медведева набрать адекватный политический вес при сильном Путине, вписаться в институциональную модель, в которой именно президент выступает реальным центром, что может привести к политической дестабилизации: в этом случае новый президент не будет восприниматься в общественном мнении, в элитах и международными игроками как полноценный центр принятия решений.

Наконец, в-третьих, проблему могут создать не только серьезные “весовые” различия между полюсами, но и разрушение системы координации в результате разногласий и соперничества двух лидеров и(или) их команд. Дезинтеграция по этому варианту потенциально самая разрушительная, так как предполагает поляризацию и распад правящей группы с весьма незначительной перспективой воссоздания ее в каком-то новом качестве. Напротив, первый и второй варианты дезинтеграции (фактически – воссоединение институциональной и политической составляющей доминирования) могут и не породить серьезных краткосрочных последствий, поскольку дают возможность части противоположной команды примкнуть к более сильной стороне.

Сценарий консолидации обсуждается реже, однако в его пользу работают механизмы, созданные в процессе управляемой ротации. В их числе: взаимное доверие и психологическая связь (длительный опыт совместной работы), обстоятельства избрания нового президента (на выборах 2008 г. важным условием поддержки Медведева избирателями было обещание назначить уходящего президента Путина на пост премьера); тесное кадровое переплетение команд двух лидеров; совместная программа действий; интегрирующий эффект присутствия во власти сильного экс-президента в качестве премьер-министра; разделение контроля над институциональными и политическими ресурсами; взаимодополняемость официального и неформального центров режима, а значит – невозможность решений, игнорирующих или ущемляющих другую сторону (отказ Путина от вмешательства в президентские прерогативы Медведева в сочетании с признанием Медведевым политического авторитета Путина); успешное “врастание в должность” и освоение конституционных прерогатив новым президентом; налаживание надежной системы согласований и координации между двумя центрами силы.

В случае дезинтеграции двухполюсной модели новые политические качества премьера (политическая сила) и президента (нормализация власти) будут похоронены. Верх возьмет инерция постсоветского политического цикла и (в зависимости от конкретного варианта дезинтеграции) режим вернется в одно из двух уже известных ему состояний – моноцентрическое или полицентрическое. Но если двухполюсную модель удастся консолидировать (по крайней мере – до нового электорального цикла 2011–2012 гг.), новые качества президента и премьера могут получить институциональное закрепление в ходе новой трансформации политического режима. В этом случае двухполюсная модель власти может создать предпосылки для демонтажа моноцентрической системы и постепенного укрепления институтов.

Новый институциональный выбор

Управляемая ротация власти создала “развилку”: циклическая динамика патронального президентства оказалась предотвращена, но конфигурация институтов, ее порождающих, осталась неизменной. Эффекты институциональной инерции, которую создает патрональное президентство, невозможно постоянно нейтрализовывать при помощи “антициклических” стратегий. Если институты остаются неизменными,

эти эффекты снова дадут о себе знать при приближении очередного электорального цикла.

Но “антициклические” стратегии, сопряженные с наращиванием ресурсов доминирующим игроком, порождают собственные побочные эффекты: дальнейшее проведение федеральных выборов в плебисцитарном ключе способно необратимо модифицировать ожидания и мотивы массового электорального участия. Кампания 2007 г. максимально отклонилась от институционального образца: думские выборы превратились в референдум о доверии общенациональному лидеру, но реализовывался он в форме голосования за политическую партию, с которой национальный лидер отождествляется не полностью [Зудин, 2007⁶]. Дальнейшее движение из точки равновесия, зафиксированной двухполосной моделью власти, возможно в двух направлениях: возвращение в логику “патронального президентства” (по двум траекториям, заложенным в сценарии “дезинтеграции”) или трансформация сложившихся институтов.

В постсоветский период трансформация институтов оказалась связана с феноменом доминирования и “навязанными переходами”. В этом смысле трансформацию политического режима, начавшуюся в 2000 г., можно считать третьим “навязанным переходом”, по аналогии с первыми двумя (1991 и 1993 гг.), или третьей фазой большого “навязанного перехода”, начавшегося в 1991 г. Первый “навязанный переход” (1991 г.) был вызван политической катастрофой – неудачной попыткой использования силовых стратегий противниками реформ, за которой последовала дезинтеграция консервативного лагеря и распад союзного государства. Сторонники реформ оказались в роли “невольных победителей”. Общественный мандат был противоречивым: “парад суверенитетов” с участием России плюс референдум о сохранении союзного государства. В условиях раскола элит общественное мнение оказалось не в состоянии занять непротиворечивую позицию.

Второй “навязанный переход” (1993 г.) также был обусловлен использованием силовых стратегий, но опирался на менее противоречивый общественный мандат, то есть был отчасти санкционирован общественным мнением (итоги мартовского референдума, знаменитые “да–да–нет–да”). Третий “навязанный переход” (начался в 2000 г. и к настоящему времени не завершился) отличается еще большим своеобразием: политическая поляризация в элитах в преддверии перехода (парламентская фаза электорального цикла 1999–2000 гг.) не сопровождалась использованием силовых стратегий (применялись электоральные стратегии), а сам переход приобрел растянутый характер при наличии длительной подготовительной фазы (2000–2003 гг.).

Во всех случаях в роли инициатора выступала фракция правящей группы (а не контрэлиты или политическая оппозиция): она брала на себя ответственность за корректировку модели политического развития. (Кроме первого случая, когда ответственность была, по существу, навязана, и речь шла не о корректировке, а о смене модели развития.) При всех кадровых и политических переменах можно говорить о том, что правящая группа–инициатор “навязанных переходов” сохраняла минимальную программную преемственность. (В этом отношении можно говорить о “пунктирной” линии, соединяющей М. Горбачева и В. Путина, а путинскую политическую повестку начала 2000-х – считать воплощением нереализованных фрагментов горбачевской повестки конца 1980-х.)

В отличие от первых двух третий “навязанный переход” в гораздо большей степени опирался на доминирующие настроения и практики. К концу 1990-х гг. российские элиты далеко продвинулись в освоении – и модификации – импортированных институтов (персоналистские моноцентрические режимы в ряде российских регионов, авторитарная адаптация института выборов и т.д. [Афанасьев, 1997]). В свою очередь, российское общество к этому времени демонстрировало серьезную неудовлетворенность сложившейся политической системой. Началось отторжение импортированных институтов и практик (рост неприятия президентской формы правления, симпатий к однопартийной системе, ренационализации, широкое распространение “советской ностальгии” и т.д.) [Зудин, 2001, с. 26–65; 2008, с. 306–343].

Но третий переход все-таки сохраняет атрибуты “навязанного”: он был инициирован сверху, доминантной силой, его реализация не стала прямым продолжением интересов и настроений групп, на которые он опирался, и предполагала “точечное” использование силовых стратегий (или угрозу такого). (При этом уступки делались и элитам, и массовым группам избирателей, и доминирующим настроениям.) Правящая группа, возглавившая третий “навязанный переход”, проявила политическую осторожность: он произошел в рамках старого институционального дизайна, политический плюрализм и политическая конкуренция были ограничены, но не ликвидированы, а официальная ориентация на основные принципы современной системы сохранена. (Содержательные характеристики поворота в политическом развитии усиленно оспариваются политической оппозицией и многими российскими авторами (см., например, [Шевцова, 2004; 2005; 2007; Политическая... 2004; Морозов, 2006; Холодковский, 2009; Гудков, 2009]).

Предположительная цель третьего перехода – создание системы власти, устойчивой к регулярной смене первых лиц. Если это так, то управляемая ротация 2008 г. – только первый шаг. (Способность доминантного игрока к самоограничению, продемонстрированная управляемой ротацией, в принципе, делает институциональную реформу возможной.) Следующие шаги могут быть направлены на разрешение институционального напряжения, порожденного появлением политически сильного премьера в системе правления, в которой президент наделяется широкими полномочиями. И если двухполярная модель власти – не продукт ситуативных обстоятельств, а результат сознательного выбора, тогда можно ожидать решений, способных институционально закрепить новые политические качества президента и премьера, которые они приобрели в результате деконцентрации в верхах.

Собственно говоря, такие решения и были приняты в первые два года президентства Медведева. Но сначала необходимо подвести предварительные итоги. Для выхода из сложившейся ситуации в период 2006–2008 гг. “сверху” была инициирована трансформация консолидированного политического режима, которую “пошагово” можно реконструировать следующим образом: отказ от партийной монополии и воссоздание в ограниченной форме конкурентной ситуации (создание в 2006 г. Справедливой России); управляемая фрагментация моноцентрического режима в связи с началом подготовки к ротации власти; максимальное усиление уходящего президента в процессе подготовки к ротации; проведение ротации власти по управляемой модели – через “преемника”; избрание нового президента на основе ресурсов уходящего президента; сохранение присутствия экс-президента во власти в новом качестве; последующее совместное правление нового президента с политически сильным премьером, закрепленное при помощи новой конструкции – тандема.

На этом этапе трансформация породила следующие эффекты: принципиальное подтверждение ценности партийного плюрализма и политической конкуренции; подтверждение действенности нормы, предусматривающей ротацию власти (и не только для президента); деперсонализация режима (конкретная персона ушла с поста президента без ущерба для президентской власти). Начиная с 2008 г. совместное правление президента с политически сильным премьером (тандем) способствовало деконцентрации власти в верхах, которая, в свою очередь, повлекла за собой разведение президентской власти и доминирующей политической силы, лишение доминирующей Единой России прямого выхода на президентскую власть и, как следствие, “нормализацию” президентской власти.

Отныне президент в личном качестве перестает быть “политическим самодержцем”: он опирается на свои конституционные полномочия и поддержку наиболее мощной политической силы (премьер плюс доминирующая партия, контролирующая Госдуму и законодательные собрания). Элиты и общество начинают приучаться к существованию в верхах двух центров силы: новая политическая

архитектура препятствует их столкновению, помогает им сотрудничать, вместе реализовывать совместно разработанную политическую программу. Но в первые два года правления нового президента деконцентрация ограничивается высшим эшелонам власти.

Смена сценария политического развития

Со второй половины 2009 г. сфера деконцентрации начинает расширяться. Таков совокупный эффект пакета предложений Медведева по институциональным гарантиям многопартийности при режиме доминирования. Начинает расширяться и президентская политическая ниша. Помимо институтов президентской власти, премьера и доминирующей партии, она теперь включает и “малые” думские партии, в отношении которых президент становится гарантом их присутствия в партийной системе. Президент приобретает функцию политического арбитража: в ситуации острого конфликта с доминантной партией малые партии имеют возможность обращаться за поддержкой к президенту (что и было сделано в ходе октябрьского парламентского кризиса 2009 г.). Окончательным подтверждением необратимости изменения политического курса стало расширенное заседание Госсовета в конце января 2010 г. [Государственный... 2010]. В результате двух раундов перемен (первый прошел в 2008–2009 гг., второй начался в конце 2009 г. и продолжается в настоящее время) произошла очередная трансформация политического режима. Сценарий политического развития изменился.

В связи с этим имеет смысл напомнить об основных сценариях завершения политической трансформации, то есть возникновения устойчивого равновесия. Воспользуемся схемой, которую в свое время предложил В. Гельман. В основу сценариев положены два простейших критерия: наличие или отсутствие доминантного игрока, а также тип стратегий, которые используются игроками. Первый сценарий – “война всех против всех” (силовые стратегии плюс отсутствие доминантного актора). Второй – “победитель получает все” (силовые стратегии плюс возникновение доминантного актора). Третий – “сообщество элит” (компромиссные стратегии плюс присутствие доминантного игрока). Четвертый – “борьба по правилам” (компромиссные стратегии плюс отсутствие доминантного игрока) [Gelman, 1999, p. 945; Гельман, Рыженков, Бри, 2000].

Сценарии представляют собой идеально-типические конструкции и в чистом виде в политической жизни не встречаются. Но в сценарии “победитель получает все” легко угадывается режим с “гегемонистской партией”. С существенными оговорками его можно соотнести с тем направлением, по которому в первые два года начал смещаться политический режим, возникший в России после 2003–2004 гг. Но уже с 2006 г. начинается движение в противоположном направлении, а после ротации 2008 г. происходит выход из сценария “победитель получает все”. Главное содержание перемен после ротации (а частично – и раньше) состоит в переходе от консолидации к управляемой дифференциации политического режима. В терминах основных сценариев транзитологии можно сказать, что началась переориентация на сценарий “сообщество элит”. Управляемая сверху дифференциация меняет строение политического режима и свойства основных игроков: появляется президент, не являющийся доминирующим игроком, а малые партии, которые оппозируют доминантной, тем не менее, начинают восприниматься как часть системы.

Реализация нового политического сценария, скорее всего, будет длительной и займет гораздо больше времени, чем предшествовавшая ей стадия консолидации (2000–2006 гг.). В ближайшей перспективе осуществление нового сценария будет зависеть от того, как будут решены три основные проблемы: политическая реинтеграция социально активного меньшинства; утверждение новой модели партийной системы; трансформация тандема.

Политическая реинтеграция активного меньшинства

Напомню, что в ходе консолидации политической системы отношения между социально активным меньшинством (бизнес и городской средний класс, связанный с современным укладом жизни) и российским политическим режимом осложнились. Часть этого меньшинства оказалась политически отчуждена от режима. Дает ли это основание для утверждения, что взят курс на его реинтеграцию?

Во-первых, вспомним об особенностях самой фигуры нового президента: в “габитусном” отношении Медведев совместим с социально активным меньшинством. Во-вторых, появилась новая идеология – “модернизация”, которая отвечает установкам более “продвинутых” групп. В-третьих, озвучен целый комплекс мер, отчасти уже реализованных, отчасти продекларированных, направленных на расширение возможностей для частного бизнеса, а также профессиональных и карьерных перспектив новых субэлитных групп. Отсюда – расширение предпринимательских возможностей вузов, ослабление “жесткости” административной системы, реформа судов, милиции и т.д. Политический канал реинтеграции тоже есть: введение института символического представительства (“депутат–фракция”, главная функция – “трибун”) плюс проект новой правой партии (впрочем, не вполне удачный). Но ставка делается преимущественно на “технократические” формы реинтеграции.

Проблема в том, что социально активное меньшинство патронируется полулояльными режиму элитами, стремящимися его возглавить. И если само это меньшинство и политический режим взаимно совместимы и нуждаются друг в друге, то традиционные претенденты на политическое руководство активным меньшинством в лице либеральных лидеров и партий 1990-х гг. в консолидированный политический режим не вписываются (у них другие представления о “норме”). Главная интрига на этом направлении: удастся ли провести реинтеграцию преимущественно в технократическом ключе? Ситуацию осложняют попытки несистемной оппозиции использовать начавшуюся дифференциацию режима и прорваться в легальный политический процесс.

Рождение “картельной” системы

Происходит смена модели партийной системы: от полупартийной системы с доминирующей партией, отчасти обладающей “гегемонистскими” характеристиками, к партийному картелю с “предоминантной” партией (по терминологии Дж. Сартори). Несмотря на соединение партии с политически доминирующим Путиным, наметившаяся ранее тенденция демополизации политического рынка сохранилась и после завершения электорального цикла 2007–2008 гг. (Движение в этом направлении началось в 2006 г. в связи с демополизацией кремлевской партийной ниши и появлением Справедливой России.) Реформы 2008–2009 гг. закрепляют институционально отказ от политической монополии, ранее возникшей, кстати сказать, в качестве побочного продукта. (Справедливая Россия заместила партию Родина – неудачный кремлевский проект 2003–2004 гг.) На этот раз в категорию “системных” игроков оказались включены политические партии, занимающие самое различное место в политической системе, – парламентские, “полупарламентские” (партии Законодательных собраний) и непарламентские (не имеющие представительства в органах законодательной власти), кроме партий “несистемной” оппозиции.

Предположительно, расширение конкурентной среды способно создать стимулы, позволяющие перевести Единую Россию в политическое состояние (повысить долю политических кадров и сократить удельный вес бюрократических, ориентированных на монопольное положение и административные инструменты). Если это окажется возможным, Единая Россия трансформируется из доминантной партии с “гегемонистскими” чертами в партию “предоминантного” типа. Итоговым результатом может стать новая партийная система, которая принимает форму “партийного картеля” (вертикально организованного, но принципиально подвижного по внутренним пропорциям и составу участников), вписанного в формирующийся нормативно-ценностный консенсус. Доминирование становится преимущественно политическим (электораль-

ным). Режим окончательно перестает быть моноцентрическим, но сохраняет “гибридные” характеристики, а форма правления трансформируется в президентско-парламентскую. В принципе, “картельная” партийная система способна решить проблему неопределенности, каждый раз возникающую у элит в связи с приближением ротации власти, и в то же время ослабить опасности, с которыми сопряжены исключительные отношения между исполнительной властью и ведущей партией (прежде всего, возникновение проблемы “принципал–агент”).

От “гегемонистской” доминирующая партия “предоминантного” типа отличается сокращением масштабов использования административных инструментов, а не самим фактом их использования, как ранее доказывал Сартори. Эмпирические свидетельства и более поздние исследования говорят об отсутствии “берлинской стены” между “гегемонистскими” и “предоминантными” партиями. Партия-инкубент всегда склонна пользоваться своими преимуществами, вопрос в том, какие масштабы и формы приобретало использование преимуществ инкубента в электоральных целях. “Предоминантные” партии (Христианско-демократическая партия в Италии и Либерально-демократическая партия в Японии) использовали административные инструменты, а “гегемонистские” партии (Институционально-революционная партия в Мексике) – политические. На необоснованность жесткой сегрегации “гегемонистских” и “предоминантных” партий в классификации Сартори обращает внимание американский политолог К. Грин [Greene, 2006, p. 5].

Единая Россия с самого начала сочетала характеристики гегемонистской и предоминантной партий: “прямая” электоральная поддержка Путина соседствовала с опорой на региональные политические машины, контролируемые губернаторами. Партия была только частью (причем – не главной) доминантного политического игрока. Дуалистическая структура доминантного игрока порождала еще одну особенность Единой России. Как правило, доминантная партия создается элитами, стремящимися закрепить позиции власти, которые они захватили в момент рождения нового государства, “переопределения” уже существующего или становления нового политического режима. В этом случае доминантная партия на длительное время закрепляет позиции правящих элит и становится гарантом политического *status quo* (возможные побочные эффекты: политический иммобилизм и стагнация) [Гельман, 2006].

В России располагающий преобладающей электоральной поддержкой доминантный игрок появился в виде более сложной конструкции, естественный для системы с президентской властью: тогдашний президент Путин плюс партия. Сила президента создавала доминирующую партию, а не наоборот. Президент сохранил в своих руках основную политическую силу и после появления доминирующей партии. Единая Россия использует только часть доминирующей силы, в отношении которой она выступает распорядителем, но не “владельцем”.

Дуализм доминантного игрока (лидер плюс партия) превращает партию в инструмент в руках лидера и позволяет использовать ее для трансформации институтов и элит. В ходе консолидации политической системы большая часть “переходных” элит поглощается доминантной партией, которая политически подчиняет их доминантному игроку. Это создавало необычную ситуацию: по мере повышения своего политического статуса Единая Россия утрачивала субъектность. Убывающая субъектность ведущей партии постоянно фиксировалась экспертами (Ю. Кургунок, А. Кынев, Б. Макаренко и др.), только вот адекватных выводов не делалось. Исчезала способность партии быть проводником интересов переходных элит, а растущее подчинение доминантному лидеру увеличивало способность этого лидера к преобразованию сложившейся политической системы и самой доминантной партии. В результате система с доминантной партией приобретает не свойственный ей трансформационный потенциал: из гаранта политического *status quo* она превращается в инструмент его постепенного изменения.

“Картельная” модель существенно меняет и положение других партий. Полуторпартийная система превращала малые думские партии в исчезающую величину. В

системе с “преобладающей” партией малые партии закрепляются в качестве “нишевых”. Термин “нишевые партии” употреблялся для обозначения партий с жестко фиксированным электоратом, не способных в течение длительного времени к его расширению. Это особые партии, с иной мотивацией партийных элит и избирателей: они понимают, что находятся в долговременном меньшинстве, не претендуют на политическую власть во всей полноте и ориентируются главным образом на представительские функции. Исследования на европейском материале показывают, что избиратели нишевых партий даже “наказывают” свои партии за попытку выйти из фиксированной политической ниши [Meguid, 2005, p. 347–360; 2008; Adams... 2006, p. 513–529].

“Нишевые партии” существуют в партийных системах и политических режимах разного типа, в том числе и в системах политического доминирования. Например, в Японии в период гегемонии ЛДПЯ политологи наделяли “нишевым” статусом партии Комэйто и Коммунистическую партию Японии [Curtis, 2004, p. 8]. Можно добавить, что и Соцпартия (после того, как поняла невозможность завоевания власти) также приобрела “нишевые” свойства. “Преобладающие” партии, окруженные малыми парламентскими партиями, образуют устойчивые сообщества, в которых конкуренция на выборах сменяется ситуативным сотрудничеством в межвыборный период. Иногда эти сообщества называют “партийными картелями”. Несмотря на то, что одно из определений “картеля” – “коллективное доминирование”, “партийные картели”, как и “нишевые партии”, могут возникать в партийных системах и политических режимах различных типов. (Известно, что П. Мэйр и Р. Катц описывают как “картельные” многие партийные системы в современной Европе [Mair, Katz, 1995, p. 5–28; Katz, Mair, 2009, p. 753–766].)

В формирующемся российском “партийном картеле” малым партиям отводятся важные функции. Они не только расширяют электоральную базу политического режима и обеспечивают легитимность выборов. Конкурентная ситуация сохраняется прежде всего благодаря “нишевым” партиям. Выполняя в отношении доминирующей партии “санитарные” функции, малые думские партии помогают президенту и доминирующему лидеру сохранять контроль над ведущей партией, используя ее возможности для преобразования сложившейся политической и экономической системы. В свою очередь, можно предположить, что присутствие недавно “сертифицированных” полупарламентских и непарламентских партий позволяет удерживать малые думские партии от возможного использования ими своего “шантажного потенциала”¹.

Проблема в том, что “партийный картель” вокруг преобладающей партии может быть сформирован лишь на основе встречного движения: сами партии – и доминирующая, и малые – должны научиться вести себя как члены сообщества. Политические партии, сформировавшиеся в 1990-е гг. и прошедшие через режим доминирования с “гегемонистскими” чертами, плохо складываются в “партийный картель”. После политических реформ, начатых Медведевым, все думские партии стремятся к совместности с новым президентом, но они по-прежнему мало совместимы друг с другом и, самое главное, – с Единой Россией: думская оппозиция пока не может забыть гегемонистский стиль Единой России, которая, в свою очередь, помнит безответственность думской оппозиции (или то, что она называет безответственностью).

Общая память пока разъединяет кандидатов в сообщество “системных” партий. При выходе из полупартийного состояния российская партийная система оказалась в состоянии кризиса (“бунт” малых думских партий в октябре 2009 г. после региональных выборов). Единая Россия испытывает серьезные трудности при переходе в “преобладающее” состояние, а “малые” думские партии – в “нишевое”. Пока менее болезненно переход в новый статус происходит в ЛДПР, сложнее – в Справедливой России и КПРФ. Особую остроту этот процесс приобрел на правом фланге: с момента основания в Правом деле не прекращается борьба между двумя вариантами развития

¹ В последнее время и в западной научной литературе стала обсуждаться возможность отнесения российской партийной системы к разряду “картельных” [Hutcheson, 2010].

партии – “нишевым”, ориентированным на предпринимателей, и “идеологическим”, по образцу бывшего СПС.

Необходимость возникновения “партийного картеля” многим не кажется очевидной, точно так же, как многие авторы считают неоправданным консолидацию политической системы. Критика режима доминирования во многом построена на признании определяющей роли легализации политической конкуренции и регулярной конкурентной ротации власти в утверждении демократического режима. Такое понимание страдает неполнотой: устойчивая демократическая политическая система предполагает не только легализацию конкуренции, но и ее ограничение, как формально-правовое, так и неформальное. На это в свое время обращал внимание Сартори: устойчивые демократии появляются только там, где элитам удавалось “укротить” политическое соперничество (*to tame politics*) [Sartori, 1995, p. 101–111]. Об этом подробно рассказывают в своих работах Дж. Хигли и М. Бэртон, описывая различные разновидности “соглашений в элитах”, регламентирующие политическое соперничество. Одна из разновидностей таких соглашений – устойчивые “электоральные коалиции победителей” [Burton, Higley, 1987, p. 295–307; 2001, p. 193–194; Higley, Burton, 1998, p. 98–115], часть которых Сартори и описывал при помощи термина “предоминантные” политические партии.

И легализация политической конкуренции, и неформальные соглашения относительно ограничивающих ее норм равнозначны – это безальтернативные предпосылки устойчивой демократической политической системы. По содержанию такие соглашения образуют основу нормативно-ценностного консенсуса в элитах. Любая партийная система, действующая на основе консенсуса, *de facto* может быть квалифицирована как “картельная”: ее участниками могут стать только силы, реально признающие общие принципы. Остальные исключаются посредством различных институциональных и политических решений. Хигли особо отмечает, что “консенсусное” состояние элит, равно как и консолидированный политический режим, могут создавать некомфортное состояние для некоторых сторонников демократических ценностей [Higley, 2008].

С учетом “навязанного” характера перехода к консолидированной политической системе в современной России и “партийный картель”, и преобладающая партия выступают не столько продуктом, сколько инструментами на пути к “нормативному” консенсусу в элитах. Несмотря на то, что формирование элитного консенсуса далеко от завершения, уже можно говорить об определенной программной общности “системных” партий. Во-первых, это признание (в разной форме) института частной собственности. Во-вторых, это единство подходов во внешней политике: несмотря на естественные разногласия по внутренней политике, определяемые политическими идеологиями, все думские партии сходятся в признании безусловной ценности государственного суверенитета. Третьим основанием формирующегося консенсуса в элитах можно считать “антитеррористическое согласие” перед лицом внутренних и внешних посягательств на государственное единство, включая неприятие использования насилия в политических целях. Наконец, после провозглашения президентом Медведевым “модернизации” в качестве стратегической цели в ее поддержку (также в разной форме) высказались все думские партии, включая КПРФ.

Институционализация сообщества системных партий обещает быть длительной и трудной. Она предполагает трансформацию всех участников: Единой России – в преобладающую партию (превращение партийной элиты в самостоятельного актора, функционально отделенного от административной элиты плюс отказ от использования административных инструментов); малых партий – в “нишевое” состояние (критика курса плюс принятие институтов плюс согласие со статусом постоянного меньшинства), а также выстраивание в межвыборный период в парламенте ситуативного сотрудничества и долговременных коалиций. Общая основа – все участники получают реальное место в работающем механизме государственного управления. Практическое движение в этом направлении уже началось: пакет предложений Медведева по институционализации малых парламентских и непарламентских пар-

тий принят, началась его практическая реализация. Региональные выборы 14 марта 2010 г. прошли уже по-другому, вопрос в том, насколько устойчивой окажется новая модель.

В ближайшее время именно это обстоятельство, а также опыт коалиционного строительства в межвыборный период станут основными факторами институционализации “партийного картеля”. В более отдаленной перспективе важной вехой на пути продвижения к “сообществу элит” может стать способность части думских партий совместно, хотя, возможно, и в разной форме поддержать кандидатуру Медведева, когда он пойдет на переизбрание, закрепив за ним статус коалиционного президента. В среднесрочном плане большую роль в утверждении сообщества системных партий может сыграть смена политических поколений: нынешнее поколение лидеров слишком “отравлено” конфронтационной стилистикой. Приход молодого поколения лидеров может повысить шансы становления “партийного сообщества”. Нельзя полностью исключить и возможность частичной замены самих кандидатов в сообществе.

В связи с тем, что трансформация политического режима приняла очевидные формы, ей можно дать обобщающую характеристику. Мы имеем дело с растянутой во времени реформой “сверху”, инициированной правящей группой. Текущий этап в прямом и переносном смысле последовательно “вырастает” из нескольких предыдущих. Основные вехи: деперсонализация, то есть отделение персоны от должности и обретение институциональным ядром режима элементарной способности к воспроизводству, устойчивости к последующей ротации власти. Наряду с чисто персональной деконцентрацией (“первое лицо” в буквальном смысле раздваивается) происходит и деконцентрация власти в верхах: вместо одного центра – два. Затем, после появления программы модернизации (или “прогрессизма” – по версии “Русского журнала” Г. Павловского [Тема... 2010]), деконцентрация превращается в социальную и идеологическую дифференциацию, которая связана с попытками реинтеграции активного меньшинства и расширением идеологической базы режима за счет включения в него элементов динамики. Одновременно начинается политическая дифференциация. Партийная система усложняется, появляется гарантированное (защищенное) место для малых думских партий и официальное признание места недумских малых партий. Сочетание деконцентрации в верхах с социальной, идеологической и политической дифференциацией делает нынешний российский политический режим более открытым, чем консолидированный в моноцентрической форме режим 2004–2006 гг.

Исчезающий тандем

С того момента, как верхушка консолидированного режима преобразуется в тандем, моноцентризм начинает постепенно устраняться дифференциацией. А сам тандем исчезает где-то между сентябрем 2009 г. и началом 2010 г., уступив место политическому союзу между президентом и премьером, в котором оба участника осознают взаимную заинтересованность и зависимость. И это не игра словами.

Тандем был первоначальной формой политического союза, публично заключенной между участниками в конце 2007–начале 2008 г. и предусматривавшей неявную, но абсолютно реальную иерархию: “старший–младший”, “сильный–слабый”, “опытный–новичок”. Этот формат союза был закреплен визуально (“картинка” по ТВ) и семантически (соответствующим термином). Ретроспективно можно сказать, что тандем был необходим для того, чтобы дать возможность президенту, пришедшему к власти по модели управляемой ротации, утвердиться в новой должности, врати в элиты и в общество. Время существования тандема – первая половина первого президентского срока Медведева. По мере того, как новый президент утверждался в своей должности,

приучая относиться к себе всерьез и элиты, и общество, основания для существования тандема исчезали².

К началу второй половины президентского срока многое говорит о том, что Медведев перешел в новое политическое качество. Во-первых, президент набрал реальный политический вес в обществе, и весовые соотношения между президентом и премьером заметно выровнялись. В январе 2010 г. Медведев почти сравнялся с Путиным в популярности. По данным Левада-Центра, в январе 2010 г. президента одобряли 75% россиян, а премьера – 78%. Впервые рейтинги Медведева и Путина сблизились настолько, что различия входят в рамки статистической погрешности [Левада-Центр, 2010]. По данным ФОМ, на середину марта 2010 г. 82% россиян выражали удовлетворение тем, как Медведев справляется со своими обязанностями на посту Президента РФ, из них половина ставила ему оценки “отлично и хорошо”; 46% утверждали, что в деятельности Медведева на посту президента за два года было больше достижений, чем в промахов (противоположного мнения придерживались только 14%); 51% заявили, что деятельность Медведева на посту президента соответствует их ожиданиям (противоположной точки зрения придерживались 26%.) Отношение к новому президенту стало более определенным и позитивным. За прошедший год вдвое (с 16 до 31%) увеличилось число россиян, сообщавших, что стали лучше относиться к Медведеву. Число недовольных возросло в пределах погрешности – на 4% (с 10 до 14%), а затруднившихся с оценкой стало меньше (с 75 до 55%) [Фонд... 2010].

Во-вторых, президент продемонстрировал, что является “хозяйном положения” в отношении ключевых отрядов элит – региональных лидеров и силовиков. Здесь и обновление губернаторского корпуса, и начало масштабной реформы МВД, которая сопровождается серией отставок. Сейчас уже вряд ли кто-нибудь будет спорить, что Медведев по сравнению с Путиным отличается более жесткий подход к кадровой политике. Оставляя в стороне индивидуальные различия (скорее всего, именно там будут искать объяснение), причину смены стиля следует усматривать в изменившихся задачах: “кадровая стабильность” была более оправдана в период политической консолидации, а вот на этапе дифференциации консолидированной системы логичной становится возросшая требовательность к элитам, прежде всего опорным для режима: руководителям исполнительной власти в регионах и федеральной административной элите.

В-третьих, президент обрел узнаваемую политическую программу “модернизации”. При сохранении очевидной преемственности политического курса программа модернизации и переориентации экономики на инновационный путь, безусловно, связывается именно с Медведевым и в этом смысле “авторизована” им. В-четвертых, президент опирается на новую политическую нишу, которая отличается как от той, на которую опирался ранее президент Путин, так и от той, на которую опирается ныне Путин-премьер: это институты президентской власти и коалиция политических сил. Если Путин был плебисцитарным президентом, то Медведев – коалиционный президент: он был выдвинут коалицией партий (Единая Россия, Справедливая Россия, Аграрная партия России, Гражданская сила), а последним шагом к закреплению в коалиционном статусе стали обретение арбитражных функций в конфликтах между участниками партийной системы и политическая реформа, определившая место малых партий.

Принципиально важно: новый президент не получает всей политической силы, которая была в распоряжении Путина во второй президентский срок (то есть силы доминантной). Медведев обретает политическую самостоятельность и собственный вес, но “самодержцем” не становится. “Доминантной силой” теперь коллективно владеют два игрока, и ни один из них не может единолично ею воспользоваться. В верхах

² Некоторые наблюдатели это уже почувствовали и оценили, например Д. Орешкин, пользующийся репутацией последовательного критика сложившейся политической системы. В одном из последних номеров журнала “Огонек” можно найти его статью с “говорящим” названием, посвященную политической оценке действующего президента в начале второй половины первого срока [Орешкин, 2010].

закрепляется деконцентрированная модель власти: вместо одного центра действуют два, после исчезновения тандема их продолжает объединять стратегический союз, они сотрудничают, реализуют совместно разработанную политическую программу.

Вторая половина президентского срока – не только арифметическая величина: на горизонте появляются новые выборы 2011–2012 гг. Идущий на переизбрание президент закономерно обретает собственный вес, собственную политическую силу и самостоятельность. Связка президента и премьера лишается признаков иерархии и превращается в полноценный политический союз. Выдвижение президента на передний план и виртуальное исчезновение тандема создают благоприятные условия для превращения Медведева в полюс притяжения для элит и “продвинутой” части избирателей – как вероятного и наиболее желательного претендента на президентский пост в 2012 г.

После исчезновения тандема главной задачей президента и премьера становится консолидация собственной политической силы и укрепление стратегического союза в новых условиях. С небольшим разрывом во времени осенью 2009 г. от обоих участников элитам и избирателям в разной форме (предельно неопределенной от Путина и гораздо более определенной – от Медведева) были посланы сигналы о возможном выдвижении своих кандидатур на президентских выборах 2012 г. И одновременно последовало обещание предвыборного соглашения. Цель достаточно очевидна: предотвратить конфликт лояльностей, чтобы элиты и избиратели не стали делиться по принципу “кто за Медведева” и “кто за Путина”. Обещание предвыборного соглашения призвано сохранить связность общей политической базы, а также “доминантную” силу, которую теперь “коллективно” контролируют президент и премьер.

На пути к выборам Медведев будет использовать возможности президентской власти, а также свой коалиционный потенциал. Задача Путина представляется более сложной: как сохранить политическую силу в контексте ожидающегося выдвижения Медведева в президенты? Шаг первый уже сделан: сохранение теоретической возможности участия в президентских выборах 2012 г. Закономерный второй шаг: заставить Единую Россию работать по-новому. Здесь вырисовываются три возможных направления.

Первое – переориентация работы с избирателями с модели, которую условно можно назвать “административно-ритуальной”, на политическую. Движение в этом направлении уже началось и идет достаточно активно. Первым примером стали выборы мэра Орла, вторым – широкое использование “агрессивных” политических технологий на выборах 14 марта 2010 г. Есть свидетельства, что в центральном руководстве Единой России понимают, в каком направлении должна развиваться партия в новых условиях [Гальченко, 2010].

Второе направление – наделение партии реальными полномочиями по отношению к другим элитам (что важно – в исполнительной власти). Движение в этом направлении тоже началось, хотя пока проявляется менее рельефно. Прежде всего это участие центрального руководства Единой России в выдвижении кандидатов в губернаторы. Еще один шаг – введение института отчетности правительства перед Госдумой и аналогичного института для губернаторов в регионах. Пока это выглядит как чисто процедурное мероприятие, но оно создает возможность для укрепления позиций парламентов – и парламентских партий – в отношениях с исполнительной властью. В отличие от экспертов, квалифицирующих новый институт отчетности губернаторов как очередную “имитацию”, граждане оценивают его положительно. Из всех предложений президента Медведева по развитию политической системы наибольшую поддержку в общественном мнении получило введение регулярной отчетности губернаторов перед Законодательными собраниями: по данным ВЦИОМ, в начале декабря 2009 г. эту меру одобрили 57% опрошенных [ВЦИОМ, 2009].

На фоне меняющихся отношений исполнительной власти с партиями и парламентами “разнос”, который Б. Грызлов устроил региональным начальникам в связи с чрезмерным повышением муниципальных тарифов в преддверии мартовских выборов

2010 г., и последующая “атака” на спортивных чиновников на заседании “профильного” президентского совета выглядят не только как демонстративные мероприятия, но и как тренировка. Переориентация на политическую модель работы с избирателями влечет за собой расширение полномочий региональных отделений, их усиление и изменение отношений с губернаторами. Важный шаг к усилению региональных отделений уже сделан: теперь руководить ими станут спикеры Законодательных собраний [Болотова, 2010]. В перспективе региональные отделения не должны быть простым продолжением не только губернатора, но и близких к губернатору элит. Наконец, третье возможное направление – кадровое обновление и омоложение партии. Движения в этом направлении можно ожидать в ходе подготовки к предвыборной кампании 2011–2012 гг.

Путин имеет достаточно оснований, чтобы возглавить партийный список на парламентских выборах 2011 г. (Одна из возможных причин – необходимость подтвердить и закрепить свой политический вес.) Его участие в избирательной кампании не может не привести к перераспределению электоральных ресурсов в пользу Единой России. Но “схлопывание” формирующегося “партийного картеля” вряд ли произойдет. Во-первых, исходная точка будет другая – Путин пойдет на парламентские выборы с поста премьера, а не президента, как в 2007 г. Во-вторых, политическая конкуренция будет проходить в новых условиях, затрудняющих использование административного ресурса региональными элитами, связанными с Единой Россией. Наконец, нужно учитывать особенности электората “нишевых партий”: он небольшой, но преданный. (Прежде всего, это относится к избирателям КПРФ, отчасти – ЛДПР.) Деконцентрация власти также вряд ли пострадает: с высокой долей вероятности одновременно на переизбрание пойдет действующий президент, стратегический союзник премьера. Финальную часть избирательной кампании Путин и Медведев, скорее всего, будут играть на разных политических полях: премьер – на парламентских выборах, президент – на президентских. Вероятнее всего оба центра силы в верхах сохранятся, а вместе с ними и модель деконцентрации.

Другой вопрос – конкретная форма и интенсивность предполагаемого участия Путина в парламентских выборах. За время, остающееся до парламентских выборов, Единая Россия должна научиться сама зарабатывать электоральную поддержку, причем с использованием именно политических инструментов, а не выступать, как раньше, потребителем политического капитала своего лидера. Здесь есть определенная проблема: чрезмерно сильное включение Путина на ранней стадии может ослабить стимулы к внутренней реформе Единой России. Скорее всего, конкретный вариант решения этой проблемы прояснится по мере приближения к парламентским выборам 2011 г.

Противниками стратегического союза президента и премьера выступают полуэлитные элиты и антисистемная оппозиция. С 2008 г. мы были свидетелями, по крайней мере, трех стратегий, направленных на развал тандема, чтобы оставить Медведева в одиночестве и побудить искать новых союзников. Стратегия № 1 – поссорить участников. “Медведев – не настоящий президент, вся власть у Путина, Медведев может доказать свою самостоятельность только через конфликт с Путиным”. Стратегия № 2 – ставка на то, что экономический кризис разрушит электоральное большинство, на которое опирается консолидированный режим, и вынудит Медведева искать политического союза с крупным бизнесом (конец 2008–начало 2009 г.). Стратегия № 3 – персональная атака на Путина, которая развернулась с 2010 г. Составная часть – кампания по сбору подписей в Интернете за отставку премьера, которая, впрочем, быстро натолкнулась на “контркампанию” в его защиту. Как вспомогательный проект можно оценить призывы к Медведеву создать собственную политическую партию. (В этом случае президент лишается арбитражных функций, а вместе с ними и автономной политической ниши.)

Составная часть стратегий противников: тема возможного возвращения Путина в 2012 г. на пост президента, которая активно обсуждается оппозицией. Сразу приходит

в голову аналогия с темой “третьего срока” в период подготовки к президентским выборам 2008 г. А также парадоксальные эффекты той кампании: вне зависимости от желания участников со стороны оппозиции тема “третьего срока” помогла Путину реализовать свою главную цель: сохранить политическую силу при подготовке к ротации власти. На этот раз возможен похожий эффект: утверждения о неминуемом возврате на пост президента в 2012 г. станут скромным вкладом оппозиции в сохранение российским премьером политической силы. Но возможен и дополнительный эффект – для тех, кому не нравится Путин: поддержим Медведева, чтобы Путин не вернулся.

Нынешняя конструкция режима делает уход Путина из властного пространства невозможным. Но после ротации 2008 г. его присутствие порождает новые эффекты. Несмотря на выравнивание политических весов, представляется маловероятным, чтобы действующий президент оказался в состоянии в полной мере политически заместить премьера в элитах и в обществе. “Путинское большинство” формировалось под конкретную фигуру, оно остается персоналистским. Доверие конкретному политическому лидеру сделало возможным ротацию президентской власти, но для сохранения “большинства” принципиально важно, чтобы сохранялась и объединяющая его персона. Консолидированные на предыдущем этапе развития политической системы элиты по определению очень разные. В “габитусном” отношении Медведев совместим только с частью консолидированных элит.

Кроме того, предвыборная “отстройка” лояльностей происходит в контексте начавшейся борьбы с коррупцией, которая затрагивает главную опору режима в элитах – высших чиновников – и порождает напряжение, раздражение и недовольство. В связи с обновлением губернаторского корпуса, чисткой в МВД и верхушке спортивных чиновников наметилась важная стилистическая дифференциация между “кадровой стабильностью” при Путине и активным кадровым обновлением при Медведеве³. А есть еще и “кадровый резерв”, который также не может спокойно восприниматься действующими чиновниками. Вряд ли в таких условиях возможно стопроцентное переклечение электорального большинства непосредственно на Медведева, и вряд ли это произойдет в элитах. Политическая база Медведева остается коалиционной, а ее ведущий сегмент опосредован Путиным.

Но если все-таки полное замещение Медведевым Путина окажется достигнутым, президентская власть снова воссоединяется с доминантной политической силой, в результате происходит возврат к моноцентризму, на этот раз с “прогрессистской” окраской. Проблема “принципал–агент” во взаимоотношениях президента с доминирующей партией снова оказывается нерешенной: ведущая партия опять оказывается без противовесов, президент, как и в 2004–2007 гг., становится в одном лице воплощением и доминирующей партии, и многопартийной системы, а малые партии и периферийные элиты лишаются инстанции, к которой можно апеллировать при конфликтах с доминирующей партией. Долгосрочный эффект ротации власти может быть сведен “на нет”. Присутствие и Медведева, и Путина во властном пространстве – ключевое условие дальнейшей дифференциации консолидированного политического режима.

Возможные трудности

Какие обстоятельства могут затруднить плановое политическое строительство? Первое условие очевидно: ухудшение экономической ситуации, возникновение серьезных проблем с федеральным бюджетом. Второе условие выводится из предложенной схемы: неспособность нынешних партий освоить новую модель отношений замедлит утверждение “картельной” партийной системы. Это способно осложнить возможность президента Медведева выйти на переизбрание, опираясь на новую политическую базу, в которой Единая Россия – ведущий, но не единственный участник,

³ В СМИ уже появились публикации, начинающиеся с утверждения: “В среде чиновников зреет недовольство жесткой кадровой политикой президента” [Дятликович, Наздрачева, 2010].

затормозит начавшуюся политическую дифференциацию и продолжающийся выход режима из моноцентрического состояния.

Способность политического режима сохранять равновесие в ходе управляемой дифференциации остается неясной и будет установлена чисто практическим образом. При линейном развитии событий в неблагоприятном направлении и президент, и премьер окажутся запертыми на старом – по своему строению – политическом пространстве: президента будут подталкивать к тому, чтобы окончательно “заместить” Путина, а Путина – к уходу из политического пространства. Поскольку и то и другое можно исключить по причинам, которые уже обсуждались, следует ожидать действий, направленных на предотвращение “замыкания” политического пространства. Например, в случае неспособности Единой России и малых думских партий освоить новые роли повысится вероятность обновления партийной системы в ходе подготовки к выборам 2011–2012 гг., а именно – реформы старых игроков (в Единой России она уже началась) и появления новых: ведь помимо “парламентских” партий политические реформы 2008–2009 гг. заново легализовали присутствие “полупарламентских” (“партии Законодательных собраний”) и “непарламентских” партий. Может приблизиться и перспектива смены политических поколений в партийных элитах. Нарушение равновесия в масштабах, создающих опасность основам режима, может побудить его вернуться – на время и хотя бы частично – в предшествующее состояние.

С учетом вероятных осложнений ближайшие развилки на пути реализации сценария “сообществу элит” можно сформулировать следующим образом:

– удастся ли Единой России сохранить свои позиции в регионах в качестве ведущей силы, не прибегая к откровенному использованию административных инструментов?

– удастся ли малым думским партиям расширить свое представительство в Законодательных собраниях и сохранять его в дальнейшем? От обретения малыми партиями реального места в механизме политического управления во многом зависит их стратегия: “играть по правилам”, ориентируясь на закрепление внутри формирующегося “партийного картеля”, или, напротив, использовать выборы для атаки на сложившиеся политические институты, объединяясь с антисистемными силами;

– окажется ли в состоянии часть малых партий совместно, хотя, возможно, и в разной форме, поддержать кандидатуру Медведева, когда он пойдет на переизбрание, закрепив за ним статус коалиционного президента?

Таковы ближайшие перспективы нового сценария политического развития (поворот к “сообществу элит”), который стал готовиться с 2006 г., начал реализовываться в 2008 г. и становится очевидным с 2010 г.

Перспектива: “нормализация” политических институтов

Утверждение политического порядка, соответствующего модели “сообщества элит”, пока трудно себе представить. В недавнем прошлом точно так же было трудно представить, что на месте режима Б. Ельцина будет создан новый политико-институциональный порядок, что Путин не пойдет на третий срок и что совместное правление двух политических лидеров окажется устойчивой конструкцией.

Но если серьезных сбоев в плановом политическом строительстве не произойдет, продолжение перемен может привести к неожиданным результатам, в настоящее время публично не обсуждаемым ни участниками, ни наблюдателями. Президентские политические инициативы 2008–2009 гг. затрагивали не только политические партии, но и парламенты в части взаимоотношений с исполнительной властью: появился институт регулярной отчетности правительств перед парламентами, сначала в федеральном центре, потом в регионах. Абсолютное большинство наблюдателей оценили это так же, как и все остальное: как косметические меры, имитацию, декорацию и т.д. Между тем впереди нас ждут эффекты от поправок в Конституцию 1993 г., увеличивших срок

правления президента и Госдумы. Один из таких эффектов – размыкание сдвоенного электорального цикла.

Сдвоенный федеральный электоральный цикл, а именно – тесное соседство во времени парламентских и президентских выборов, придает политическую силу “патрональному президентству”, которое, в свою очередь, порождает ситуацию “победитель получает все”, оказывая мощное воздействие на мотивы и поведение игроков, повышая до предельных величин цену победы и поражения. В этих условиях парламентские выборы как выборы второго порядка утрачивают самостоятельную ценность и оказываются подчиненными логике президентских [Шевченко, 2000, с. 229–230]. (О. Швецова определяет думские выборы, тесно связанные во времени с президентскими выборами, как “праймериз элиты” [Shvetsova, 2003, p. 213–231].)

В 1990-е гг. концентрированный электоральный механизм формирования системы власти увеличивал политические возможности реформаторов. Но уже тогда это снижало эффективность других институтов, а в начале 2000-х гг., после проведения политической реформы, подчинение парламентских выборов президентским начало себя изживать. Монополизация Государственной думы Единой Россией по итогам парламентских выборов 2003 г. во многом стала промежуточным результатом плебисцитарной сверхмобилизации на президентских выборах 2004 г. Дальнейшее формирование системы власти через “сдвоенный” электоральный цикл в конечном счете становится контрпродуктивным как для гипертрофированной президентской власти, так и для ослабленного федерального парламента, периодически создавая повышенную неопределенность, напряжение и “давку” в элитах.

Увеличение срока полномочий президента и Государственной думы (до шести и пяти лет, соответственно), предусмотренное принятыми в конце 2008 г., поправками к Конституции, удлиняет интервал между парламентскими и президентскими выборами и приводит к разъединению сдвоенного цикла федеральных выборов. Деконцентрация электорального механизма формирования системы власти может породить сильный институциональный эффект.

Выход из “тени” президентских выборов повышает субъективную ценность парламентских. Появляется возможность относительно независимого проведения федеральных выборов, а вместе с ней – “специализации” мотивов участников. Режим автономного формирования парламента и президентской власти упраздняет ситуацию “победитель получает все”. Отделение логики выборов в парламент от логики президентских выборов создает пространство для двух относительно автономных политических игр, непосредственно не связанных друг с другом. Простое увеличение срока правления намечает выход из ловушки сверхконцентрации президентской власти⁴.

Создание “партийного картеля” и деконцентрация электорального механизма формирования власти создают условия для институционального закрепления “нормализованной” президентской власти (напоминаю, “нормализация” произошла в 2008 г., когда президентские полномочия отделились от доминантной политической силы), политически сильного правительства и более автономной Госдумы. Заложенная в Конституции 1993 г. смешанная модель правления в перспективе может стать реальностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев М. Клиентелизм и российская государственность. М., 1997.

Болотова О. “Единая Россия” поменяла кадровую политику в регионах. Спикеры местных заксобраний будут одновременно руководителями региональных отделений партии // Газета. ру. 23 марта 2010 (http://www.gazeta.ru/politics/2010/03/23_a_3342110.shtml).

⁴ Возможный трансформационный эффект от сугубо “технического”, на первый взгляд, предложения по продлению срока пребывания в должности Президента РФ (о Государственной думе речь первоначально не шла), был рассмотрен мною летом 2007 г., после того, как инициатива, с которой выступил С. Миронов, получила поддержку уходящего президента Путина [Зудин, 2007^а].

ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1389 от 16.12.2009. Модернизация политической системы (http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/12906.html?no_cache=1&cHash=0c5d6646f9&print=1).

Гальченко В. Самая важная задача Единой России – формирование самостоятельной политической повестки дня. Из выступления на заседании Клуба “4 ноября” по теме “Развитие политической системы России и роль партий” 18.03.2010 г. (<http://www.kreml.org/opinions/239490676>).

Гельман В. Перспективы доминирующей партии в России // *Pro et Contra*. 2006. Июль–август. № 4.

Гельман В., Рыженков С., Бри М. Россия регионов: трансформация политических режимов. М., 2000.

Государственный совет РФ. Доклад “О развитии политической системы Российской Федерации”. М., 2010.

Гудков Л. Природа “путинизма” // Вестник общественного мнения. 2009. № 3 (<http://www.levada.ru/press/2009121600.html>).

Дятликович В., Наздрачева Л. Под путинским крылом // Русский репортер. 2010. № 9 (137). 11 марта (/ http://www.expert.ru/printissues/russian_reporter/2010/09/news_kadry/).

Зудин А. Массовое сознание и политические инновации: опыт последнего десятилетия // Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М., 2008.

Зудин А. Россия, 1998–2001 гг.: путь к новой идеологии // *Полития*. 2001. № 5 (23). Декабрь.

Зудин А. Цена вопроса // *Московские новости*. 2007^б. № 47.

Зудин А. “Ящик Пандоры” или выход из институциональной ловушки? // *Московские новости*. 2007^а. № 23.

Левада-Центр. Пресс-выпуск. 08.02.2010. Январские рейтинги одобрения и оценки положения дел в стране (<http://www.levada.ru/press/2010020802.print.html>).

Морозов В. Суверенная демократия в постсуверенном мире – путинская реставрация как реакционная модернизация // *Неприкосновенный запас*. 2006. № 6 (50).

Орешкин Д. Президент всерьез // *Огонек*. 2010. № 10 (5120) (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1334032&print=true>).

Политическая система России после путинских реформ. Дмитрий Фурман, Александр Морозов, Владимир Прибыловский, Николай Петров, Юрий Коргунюк и Аллен Блюм отвечают на вопросы “Неприкосновенного запаса” // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 6 (38).

Тема недели. Медведев: поворот к прогрессизму. Два года новой политики. 2010. Вып. № 4–5 (46–47). 24 февраля.

Фонд “Общественное мнение”. Доминанты. Поле мнений. 18.03.2010. Вып. 10. Д. Медведев: два года на посту президента (<http://bd.fom.ru/pdf/d10medvedev10.pdf>).

Холодковский К.Г. К вопросу о политической системе современной России // *Полис*. 2009. № 2.

Шевцова Л.Ф. Откат – начало второго президентства Путина // Брифинг Московского центра Карнеги. 2005. Вып. 1. Т. 7.

Шевцова Л.Ф. Россия-2007. Власть готова к самовоспроизводству или Об определенности неопределенности // Брифинг Московского центра Карнеги. 2007. Вып. 1. Т. 9.

Шевцова Л.Ф. Смена Режима или Системы? // *Полис*. 2004. № 1.

Шевченко Ю.Д. Подводя итоги: результаты российских выборов 1993–1996 гг. // *Гельман В.Я., Голосов Г.В., Мелешикина Е.Ю.* Первый электоральный цикл в России (1993–1996). М., 2000.

Adams J., Clark M., Ezrow L., Glasgow G. Are Niche Parties Fundamentally Different from Mainstream Parties the Causes and the Electoral Consequences of Western European Parties’ Policy Shifts, 1976–1998 // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50. No. 3.

Burton M., Higley J. Elite Settlements // *American Sociological Review*. 1987. Vol. 52.

Burton M., Higley J. The Study of Political Elite Transformations // *International Review of Sociology*. 2001. Vol. 11. T. 2.

Curtis G.L. Japanese Political Parties: Ideals and Reality // Discussion Paper No. 34. Discussion Paper Series. APEC Study Center. Columbia Business School. 2004. October.

Gelman V. Regime Transition, Uncertainty, and Prospects for Democratization: the Politics of Russia’s Regions in Comparative Perspective // *Europe-Asia Studies*. 1999. Vol. 51. No. 6.

Greene K.F. A Resource Theory of Single-party Dominance. 2006 (<http://www.yale.edu/cpworkshop/papers/Greene.pdf>).

Higley J. Elite Theory in Political Sociology // IPSA 2008 International Conference. Montreal, April 30–May 2.

Higley J., Burton M. Elite Settlements and the Taming of Politics // *Government & Opposition*. 1998. 33. Winter.

Hutcheson D.S. Does Russia Have Cartel Parties? // Paper Prepared for the 2010 BASEES Conference. Cambridge, March 27–29, 2010.

Katz R.S., Mair P. The Cartel Party Thesis: A Restatement // *Perspectives on Politics*. 2009. Vol. 7. No. 4. December.

Mair P., Katz R.S. Changing Models of Party Organization and Party Democracy: the Emergence of the Cartel Party // *Party Politics*. 1995. 1:1.

Meguid B.M. Competition Between Unequals. The Role of Mainstream Party Strategy in Niche Party Success // *American Political Science Review*. 2005. Vol. 99. No. 3.

Meguid B.M. Party Competition between Unequals. Strategies and Electoral Fortunes in Western Europe. Cambridge, 2008.

Sartori G. How Far can Free Government Travel? // *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6.

Shvetsova O. Resolving the Problem of Preelection Coordination: the 1999 Parliamentary Election as an Elite Presidential Primary // *The 1999–2000 Elections in Russia: Their Impact and Legacy*. Cambridge, 2003.

© А. Зудин, 2010